

УДК 130.2

СПОРТ МЕЖДУ «ПРАЗДНОСТЬЮ» И «СЕРЬЕЗНОСТЬЮ»: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В.О. МЕЗИНОВ*Белгородский государственный институт искусств и культуры**e-mail: box_23@mail.ru*

В статье анализируется спорт как антропологический феномен. Отмечается его «праздничный» характер, исследованный в работах Т. Веблена и «серьезная» природа, выводимая из понятия траты Ж. Батая.

Ключевые слова: спорт, человек, общество потребления, трата.

Спорт не так часто как другие феномены человеческой жизни становился предметом философского осмысления. И если это происходило, то уже традиционным стало соотнесение его с более фундаментальным, по мысли авторов, феноменом игры. Не исключение и американский автор Торстейн Веблен, который в своей работе «Теория праздного класса» обращается к спорту. Праздничный класс Веблен определяет исходя из основного критерия, которым является производство и потребление. Праздничный класс исключен из первой части и имеет отношение только ко второй, потреблению. В той части своей работы, которая затрагивает спорт, Веблен отмечает, что потребление есть «отношения денежного рода», а потому они динамичны, происходит постоянное отсеивание людей, которые в состоянии только потреблять, ничего не производя. Вместе с тем, постоянное обновление этого класса не мешает воспроизводству представлений сугубо архаических, унаследованных из эпохи варварства, по Веблену характеризующей чертами доблести и хищничества.

Хищничество проявляется в жажде войны, которая в современности трансформировалась в патриотизм. И если патриотизм есть во многом идеологический феномен, сознательно культивируемый властью, то воинственность – хищничество праздного класса врожденная черта, передающееся качество личности и мироощущение этой части общества: «В самом деле, праздничный класс претендует на доблесть как предмет своей гордости, и, конечно, не без оснований. Война – занятие почетное, а воинская доблесть в глазах большей части людей заслуживает выдающегося почета; и само это восхищение военной доблестью является ручательством того, что поклонник войны обладает хищническим темпераментом. Боевой энтузиазм и хищнический склад характера, показателем которого он является, находит самое широкое распространение среди высших слоев общества, особенно среди наследственного праздного класса»¹. Причем аспект врожденности является преобладающим, наряду с факторами возрастными и социальными.

Тот же хищнический характер лежит и в основе спорта, который генетически восходит не к чистой игре, а к войне. Отсюда утверждение Веблена о связи доблести и спорта: «Все эти проявления хищнического темперамента нужно отнести к доблести. Частично они являются простыми и необдуманными выражениями свирепой сопернической позиции, частично – действиями, на которые идут умышленно, с видом на обретение славы за доблестные подвиги. Тем же общим свойством обладает спорт всех видов, включая состязания на приз, бои быков, атлетические игры, стрельбу, рыбную ловлю, парусный спорт и настольные игры, включая даже те виды спорта, где элемент физической подготовленности к уничтожению не является чертой, бросающейся в глаза»². Веблен не останавливается на этом важном переходе от войны к игре, от «серьезного дела» к «несерьезному». Несерьезность игры для него исходит из стремления к доблести и мальчише-

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. – С.244-245.

² Там же. С.251.

ского характера спорта. Условности, театральный характер спорта, а по сути, его игровая составляющая для Веблена опосредуются к серьезностям войны через мальчишество.

Другой аспект этого труднообъяснимого дуализма спорта заключается в мотивах, которые отличны от доблести и жестокости, присущей войне. Иначе говоря, спорт это не только стремление к достижению результатов, соперничество и борьба, но также проведение досуга. Он, в свою очередь, как сугубо обыденная деятельность, кардинально противоположен экстраординарности войны. И здесь снова возникает идея праздности, как преобладающей черте исследуемого класса: «Здесь, безусловно, также налицо обычай, предписывающий то, какие формы деятельности, физической тренировки и отдыха являются позволительными по кодексу правил достойного уважения существования. Те, кто имеет пристрастие к занятиям атлетикой или восторгается ею, выдвигают заявления, что такие занятия предоставляют наибольшее доступное средство отдыха и «физической культуры». А моральную поддержку этому заявлению дает предписывающий обычай. Дело в том, что каноны приличного существования исключают из уклада жизни праздного класса всякую деятельность, которую нельзя отнести к разряду демонстративной праздности»³. То есть заниматься делом можно только тем, что не относится к производящей деятельности, но заниматься делом не имеющем цели, бессмысленным, также невозможно. Спорт в этом случае является решением проблемы, поскольку налицо расточительность, наиболее очевидно проявляющаяся в расходовании сил и времени, а также непроизводящий характер спортивной деятельности. Веблен пишет об этом более радикально, говоря о противоречии человеческой природы и праздного расточительства, преодолеваемого в спорте: «Привычки индивида образуют органическую совокупность, общим направлением функционирования которой неизбежно является надежное служение процессу жизнедеятельности. Когда предпринимается попытка ввести в эту органическую совокупность систематическое расточение или бесполезность в качестве одной из жизненных целей, то вскоре вслед за этим наступает чувство отвращения. Однако можно избежать такой реакции организма, если удастся сосредоточить внимание на достижении ближайшей, не требующей размышления цели, заключающейся в проявлении ловкости или соперничества. Спорт – охота, рыбная ловля, атлетические соревнования и тому подобное – дают тренировку ловкости и сопернической свирепости и хитрости, являющихся характерными особенностями хищнического образа жизни»⁴. Таким образом, спорт идеально подходит для реализации хищнического характера, в котором проявляется склонность к агрессии, завуалированная идеей соперничества. По сути же спорт есть расточительство, которое не имеет цели, но выдумывает ее.

Веблен ставит под сомнение также тезис о том, что спорт воспитывает положительные черты характера. На примере футбола он отстаивает свой тезис о хищничестве, которое возвращает людей к архаическому состоянию, в том числе и через спорт: «Плодами культуры, реализуемыми в футболе, являются экзотическая дикость и коварство. В футболе восстанавливаются в своих правах темперамент раннего варварства и вместе с тем происходит подавление как раз тех нравственных качеств, которые полезны для общества и экономики»⁵. Так если развиваемая спортом сила признается им еще полезным качеством, то духовные качества если и полезны для индивида, то вредны для общества. Свирепость и хитрость, которые по Веблену развивает спорт, могут пригодиться только для выживания в экстремальных условиях, для жизни в нормальном обществе они мало пригодны, а то и вредны. То, что касается других качеств, они описываются следующим образом: «Уверенность в своих силах и чувство товарищества замечательны, но такое обозначение соответствующих качеств является несколько вольным, разговорным. С иной точки зрения их можно было бы назвать свирепостью и приверженностью своему клану»⁶. Праздный класс культивирует эти черты, тогда как у других представителей общества они также есть, но часто вытеснены в бессознательное, поскольку их жизнь далека от праздности.

³ Там же. С.253.

⁴ Там же. С.254.

⁵ Там же. С.256.

⁶ Там же. С.257.

Одним словом, спорт и праздность комплиментарны друг другу. Спорт является для Веблена практически идеальной непродуцирующей деятельностью, которая, к тому же, расточительна по своей сути и реализует хищнический характер представителей праздного класса. Стоит также отметить, что жесткое противопоставление производства и потребления влечет за собой такое противопоставление и деятельности. Это жесткое противопоставление имеет также выраженную оценочную сторону. Поскольку отнесение спорта к праздной деятельности закрепляет за ней негативные значения. Позволим себе заметить, что концептуально теория спорта Веблена так и не объясняет соотношения войны и игры в феномене спорта. А также игнорирует феномен массового спорта⁷. Спорт выходит за пределы «праздного класса» и перестает быть аристократическим увлечением. Хотя бесспорно то, что занятие спортом требует свободного времени. Еще одно немаловажное замечание касающееся понимания спорта у Веблена состоит в том, что спорт противопоставляется непосредственно производящей деятельности, которая составляет суть человека, поскольку человеку необходимо производить чтобы жить, спорт выступает своеобразным антиподом человеческой жизни как таковой, что снова возвращает нас к определяющему понятию праздности.

Выстраиваемая Вебленом параллель между спортом и праздностью, а также не вполне проясненным отношением в этом феномене игры и войны может быть продолжена. В работах французского исследователя Р. Кайуа находится на первый взгляд парадоксальная связь между войной и праздником. Праздник как праздное время есть событие связанное с расточением. Расточению или бессмысленному потреблению, трате в пустую подлежит время, силы, различные ценности и продукты, необходимые для жизни. Все это поглощается в границах праздника, чтобы затем вернуться к обыденности и «нормальному» течению времени и самой жизни. Сам праздник нередко сопровождается спортивными состязаниями, которые являются его частью. И эта связь праздника и спорта остается актуальной сегодня, о чем свидетельствует не только праздник как таковой, но также язык, в котором мы находим выражение «праздник спорта» и «спортивный праздник». Причем приведенные выражения по смыслу различны и, что важно для нас, отражают в первом случае праздничную (праздную) суть самого спорта, а во втором спортивную составляющую любого праздника. И теперь мы можем несколько отойти от понятий Т. Веблена, который предпочитал говорить о непродуцирующем характере спортивной деятельности, праздном классе, имеющем хищнический характер, и обратиться к родственному праздности понятию траты.

Но вовлеченность такого большого количества людей в занятия спортом можно объяснять не только стремлением к подражанию высшим слоям общества. Трата характеризует и праздник и спорт. В работе «Теория религии» Ж. Батай также противопоставляет производство и потребление, более фундаментальным для него является противопоставление субъекта и вещи. Вырванность человека из мира животного, противопоставление человека миру животным создает изначальную и определяющую человека трагичность. Этот разлад с бытием также имеет отношение к производству: «Орудие труда преобразует как природу, так и человека: с его помощью человек, создающий и использующий орудие труда, покоряет природу, но оно же и выступает связующим звеном между человеком и покоренной природой. Природа превращается в вотчину человека, но более не является ему имманентной»⁸. Стремление человека преодолеть разрыв с природой проявляется в освоении природы, ее присвоении в труде, но также отдалении от нее через процесс ее овеществления. Природа так и не раскрывается перед человеком, наоборот, отдаляясь от него. Искомая имманентность оборачивается отчуждением.

Преодоление такого парадокса приближения – отдаления или поиска имманентности по Батаю достигается через разрушение вещи в акте жертвоприношения: «Предварительное размежевание жертвоприносящего с миром вещей представляется необходимым для возврата интимной близости, имманентности взаимоотношений между человеком и мирозданием, между субъектом и объектом. Жертвоприносящему жертва необходима чтобы, чтобы отделить его самого от мира вещей, в свою очередь, и жертва не сможет от-

⁷ Айзенберг К. Спортсмен // Логос 3(54) 2006. – С.3-22.

⁸ Батай Ж. Теория религии. Мн., 2000. – С.40-41.

делиться от того же мира до тех пор, пока этого не сделает первым жертвоприносящий»⁹. Жертвоприношение здесь выступает противоположностью производства, поскольку направлено на разрушение вещи. Жертвоприношение есть не просто разрушение вещи, как это происходит в акте ее потребления, но является актом изъятия вещи из цикла обмена. Жертвенное потребление не ведет к продолжению в виде производства, нон замкнуто на себе.

Жертвоприношение и есть трата, противоположная производству насколько можно ему противостоять. Однако, можно ли считать такую трату праздною. Трата через разрушение вещи дает человеку чувство имманентности миру, которого он не может достичь никаким другим способом. И теперь мы можем провести параллель, поскольку спорт как трата также является достижением имманентности миру. Безусловно, что в спорте мы сталкиваемся не только с вещами, но также людьми и самим собой. Следует отметить также то, что архаический праздник, на трактовку которого во многом опирается Ж. Батай, следует отличать от более позднего праздника. Праздник эволюционирует точно также как спортивные состязания. Пароксизм праздничного расточительства заменяется более упорядоченными формами: «На стадионных играх было изобретено и предложено (как пример для подражания) соперничество ограниченное, специализированное и упорядоченное правилами. Очищенное от всяких чувств ненависти и обиды, это состязание нового типа становится школой честности и благородства. Одновременно оно распространяет привычку к арбитражу и уважение к нему. Его цивилизующая роль подчеркивалась уже не раз. Действительно, торжественные игры возникают почти во всех цивилизациях. У ацтеков игры в мяч были ритуальными празднествами, на которых присутствовал царь со всеми придворными. В Китае конкурсы по стрельбе из лука давали и подтверждали аристократическое достоинство...»¹⁰.

Говоря кратко важен учет перехода от экстатической траты архаического праздника к более цивилизованным его формам, соответствовавшим тем формам спортивных состязаний, которые ориентированы на ценности состязательности и уважения к противнику.

Однако с экзистенциальной точки зрения трата всегда затрагивает субъекта жертвователя и жертвенный объект. И если в архаике они разведены, то сегодня они могут совпадать. Человек преодолевает собственную вещьность, чтобы стать человеком. В этом случае он преодолевает себя как вещь. Такое положение «вещей» вполне логично для общества потребления, в котором человек рассматривается как потребитель обладающий платежеспособностью, рабочая сила, имеющая свою стоимость, в конце концов, как владелец определенного капитала, экономического или символического. Большинство доминирующих концептов, относящихся к человеку, фиксируют его именно как вещь. Так Ж. Бодрийяр относит современный атлетизм к одному из феноменов общества потребления, когда тело включается в отношения производства уже не с позиции своей мускульной силы, а как объект потребления и производства. Эквивалентность человека и объекта достигает своего максимума в современной культуре через опосредование знаков: «Нужно, чтобы индивид воспринимал самого себя как объект, как самый прекрасный из объектов, как самый драгоценный материал для обмена, для того, чтобы на уровне деконструированного тела, деконструированной сексуальности мог развернуться экономический процесс рентабельности»¹¹.

Спорт с такой точки зрения также включен в практики общества потребления, но наряду с консюмеристскими смыслами симуляции жизни он несет и другие. Столкновение с самим собой как вещью, объектом, телом здесь предстает наиболее очевидно. И даже если цели «работы над собой» в спорте диктуются обществом потребления, сама работа вполне реальна и далека от симуляции. Праздность целей и непроизводительная трата себя в спорте диалектически оборачивается реальным производством субъективности. Спорт, взятый как жертвоприношение, трата себя, своего времени и сил, жизни, при всех возможных консюмеристских уловках сохраняет свою возможность дать человеку исковую имманентность миру. Только отметим, что этот момент находит себя в спорте как

⁹ Там же. С.44.

¹⁰ Кайуа Р. Игры и люди. М., 2007. – С.127.

¹¹ Бодрийяр Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. – С.175.

реальной «работе» (в противовес симулякру спорта как индустрии), событию спортивного поединка и достижения, темпоральность которого близка жертвоприношению, как описывает ее Ж. Батай: «Главное – перешагнуть от уклада, основанного на длительности, при котором всякое потребление материальных ресурсов обусловлено заложенным в них запасом долговременности, к буйству расточительности, не обставленной никакими условиями, только бы вырваться из мира реальных вещей, вся реальность которых заключается в их пригодности к использованию на длительный срок, но никак не в сию минуту, из такого мира, в котором все подчинено производству и откладыванию про запас...»¹². Сиюминутность жертвоприношения, поглощения вещи в нем сродни мгновенности спортивных достижений. Точно также как вещи архаического сообщества откладываются, копятся до момента праздничного расточения, спортсмен тренируется и наращивает силы изо дня в день, чтобы достигнуть максимума, растратить их в финальной схватке с соперником или самим собой. Мометальность растраты реабилитирует праздность спорта в аспекте имманентности человека миру, достигаемого в этот момент.

Список литературы

- Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
Айзенберг К. Спортсмен // Логос 3(54) 2006. – С.3-22.
Батай Ж. Теория религии. Мн., 2000.
Кайуа Р. Игры и люди. М., 2007.
Бодрийяр Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

SPORT BETWEEN EASE AND EARNEST: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

V.O. MEZINOV

*Belgorod state institute
of arts and culture*

e-mail: box_23@mail.ru

The paper discusses the sport as an anthropological phenomenon. The author observes its both ease character as it was discussed in Weblen's works, and earnest nature as it was elaborated in Bataille's workings.

Key words: sport, human being, consumerist society, expense.

¹² Батай Ж. Теория религии. Мн., 2000. – С.50.